

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 32 (260) 11 ИЮЛЯ 1933 ГОДА.

ЦЕНА 20 К.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

Э. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усиевича.

Съезд писателей — дело рабочего класса!

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ СЕКРЕТАРЯ ВЦСПС Т. А. К. АБОЛИНА НА СОВМЕЩЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПЛЕНУМА ЦК СОЮЗА ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ВТОРОГО ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ ГОРКОМОВ И МЕСТКОМОВ ПИСАТЕЛЕЙ

Подготовка к съезду не есть и не может быть просто системной организационной мерой. Она должна сплотить писателей вокруг решений январского пленума ЦК и ЦКК; она должна способствовать включению писателей в непосредственную практику социалистического строительства на заводе, в колхозе или совхозе; она должна содействовать росту их художественного мастерства под лозунгом социалистического реализма; она должна возматерить новые кадры писательского молодого поколения из рядов рабочего класса и лучших ударников колхозов.

Я хочу подчеркнуть, что значение съезда выходит далеко за пределы нашей страны, что съезд его является крупнейшим культурно-политическим событием международного значения. Готовить съезд писателей советской страны на современном этапе социалистического строительства — грандиозная задача и перспективами нельзя иначе, как при участии и силами ВСЕЙ организованной общественности рабочего класса.

Его надо готовить так, как в свое время мы готовили и проводили всеобщий учительский съезд. Его надо готовить и проводить так, как готовился и проводился в этом году I всеобщий съезд колхозников-ударников.

Если мы действительно хотим, чтобы первый всеобщий съезд советских писателей сыграл свою роль, чтобы он явился грандиозной демонстрацией успехов и достижений нашей художественной литературы, выразителем новых глубоких связей советской литературы с широкими массами трудящихся; если мы хотим, чтобы съезд поднял и разрешил всю совокупность больших вопросов литературно-художественного творчества и его организации, чтобы во весь рост встали перед нами сейчас в начале второй пятилетки, то надо добиться того, чтобы широкая пролетарская общественность немедленно же включилась в подготовку этого съезда.

Мне думается, что подготовка к съезду отстала не только по линии Оргкомитета Союза советских писателей, но и по линии мобилизации на это дело широкой рабочей и колхозной общественности, отстала и по линии профсоюзов.

Тов. Ставский приводил здесь действительно замечательные образцы выполнения ленинского положения, что литература у нас стала уже частью общепролетарского дела. Совершенно правильно определено на одну из решающих задач подготовки к съезду — привести на съезд миллионы читателей, которые предвещают писателям и дадут оценку их творческой продукции. Но это не совершенная задача. Читательскую массу нужно организовать на большое дело активной подготовки к съезду. Нужно, чтобы уже теперь, в ближайшие месяцы, по всей стране прошла волна рабочих конференций — читательских, литературных, библиотечных;

чтобы прошли многочисленные литературные вечера в тысячах наших рабочих клубов; чтобы были организованы встречи писателей с рабочими-ударниками; чтобы писатели отчитались перед рабочими собраниями в своем художественном творчестве.

Это делается рядом передовых заводов, клубов и библиотек. Неоднократно значительно более широкий размах всей этой работы, надо ее планомерно организовать. Отчеты академиков в своей научной деятельности во время сессии Академии наук на фабриках и заводах дали превосходные результаты в Ленинграде, Москве, на Урале и в Сибири. Этот опыт нужно перенять и нашим писателям с тем, чтобы в ходе подготовки к съезду в большей мере сомкнуть Оргкомитет Союза советских писателей и его ячейки с рабочими массами; чтобы чувствовалось, что всеобщий съезд писателей советской страны готовит вся советская страна.

Нужно прямо сказать, что этого мы не достигли. А этого мы вправе требовать от нас, от руководящих профсоюзной организации. Это не значит, конечно, что писательские ячейки должны сидеть и ждать, пока, видите ли, придет профсоюз и свяжет их с рабочими массами для наиболее плодотворной подготовки к съезду. Нет, вы сами должны проявить здесь активность с таким расчетом, чтобы мы общими силами добились уже в ближайшие недели решительного перелома; чтобы подготовка к съезду стал делом всей организованной пролетарской общественности.

Творческая дискуссия необходима — это верно. Но совершенно ошибочным было бы придавать ей замкнутый, кабинетный характер. Творческая дискуссия должна развиваться в условиях широчайшей гласности для масс рабочего класса. Творческая дискуссия должна вовлечь лучших культурных, производственных, политических передовиков рабочего класса.

Писатель стал у нас советским. В этом — решающий факт. И ему, писателю, стоящему на платформе советской власти и стремящемуся активно участвовать в строительстве социализма, ему нужен такой устав Союза советских писателей, кото-

рый совершенно отчетливо формулировал бы основные требования, предъявляемые рабочим классом членам этого союза. Но если поставить вопрос, что сделали наши писательские организации, а в особенности мы, профсоюзы, для того, чтобы помочь нашему советскому писателю действительно знать свой класс, т. е. выполнить основное и решающее из предъявляемых ему требований, то мы должны будем сказать прямо, что в этой области сделано пока еще мало, ибо партия требует и вправе требовать от нас именно в этом неизмеримо больше.

Сейчас началась чистка и проверка наших партийных рядов. Живые факты чистки должны быть широко использованы нашими писателями; они дадут богатейший материал для художественного показа, что такое тип борца за коммунизм, тип строителя бесклассового социалистического общества.

Не подлежит сомнению, что именно по этой линии идут и те требования, которые предъявляют к нам мы, профсоюзы. Профсоюзные ячейки непосредственными организаторами такого гигантского, многогранного дела, как ударничество и социализация, в этом движении формируются человек будущего, член социалистического общества, свободный от пережитков капитализма. И покажите эту формируемую систему рычагов и приводов, при помощи которых мы, профсоюзы, под руководством партии это формирование осуществляем; покажите роль профсоюзов, как школы коммунизма, как борца за разрывание ударничества и соревнования звонка, как он существует и работает в действительной жизни, с тем, чтобы ему же, звонку, дать в форме художественного произведения могучее орудие улучшения своей работы, — такую одна из почетнейших революционных задач советских писателей.

До съезда остались немногие месяцы. Пусть эти месяцы будут месяцами большевистской борьбы за дальнейший рост литературно-художественной мощи рабочего класса!

Подготовим, созовем и проведем съезд, достойный нашей великой страны, достойный нашей великой второй пятилетки, достойный нашей великой пролетарской литературы!

Выступление секретаря ВЦСПС Т. А. Аболина со всей силой ставит перед литературными организациями задачу решительного усиления подготовки съезда. Особого внимания, а главное, немедленного выполнения заслуживают указания Т. Аболина о том, чтобы литературные организации добились включения в подготовку съезда широкой пролетарской общественности. Об этом говорил и А. М. Горький на последнем совещании с президиумом ОК ССР СССР. Первый всеобщий съезд писателей — это дело рабочего класса и колхозного крестьянства, а не только литерату-

ров. Съезд должен быть общим делом писателей, рабочих и колхозников, он должен быть общим делом для широких масс читателей художественной литературы.

Секретарь ВЦСПС Т. Аболин ставит по существу новые задачи перед оргкомитетами, ибо до настоящего времени в этом отношении были лишь отдельные попытки (многие сделали организмовым секретарем ОК ССР СССР), но еще не создано широкого рабочего движения пролетарской общественности, в частности крайне недостаточное участие профсоюзов.

Конкурс на лучшие пьесы

О „центральной фигуре“ драматургии

ПО ТЕЛЕГРАФУ ОТ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Вслед за дискуссией о сценичности в Ленинграде прошло широкое совещание драматургов, посвященное конкурсу Совнаркома. Беседа началась с выступления секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) т. Б. П. Познера.

Охарактеризовав огромное значение драматургии в приобщении миллионов людей к культуре, в воспитании и перевооружении широких масс трудящихся, т. Познер остановился на вопросах тематик драматургических произведений.

— Надо выдвинуть на сцену героев нашего времени — рабочего, колхозника, специалиста — и именно специалиста, который занимается делом, строительством, а не только размышляет на сцене: помогать или... вредить... Надо показать любого участника социалистического строительства, но этот герой должен быть показан не замкнутым в себе, занятым лишь внутренними переживаниями, а в процессе конкретной и живой созидательной деятельности.

Каждый из нас видит вокруг себя замечательные примеры, которые могут дать материал для пьес самого большого драматического напряжения. Но без основной фигуры нашей эпохи — строителя социализма в городе и деревне — дело не выйдет. Между тем во многих пьесах эта центральная фигура остается в тени. Сейчас многие ленинградские драматурги работают над пьесами, предназначенными на конкурс Совнаркома. И, как передавали мне, большинство пьес «околостроительные». Только отдельные писатели взяли тему конкурсных пьес гуще строительства.

Когда мы говорим о показе основных персонажей нашей эпохи, мы хотим видеть на сцене не марионетку, не упрощенные схемы, а живых людей. Такой живой человек, например, Гай в пьесе Погодина «Мой друг». Кажется, впервые на сцене мы видим директора, который не умирает из-за первым томом «Капитала», а живет, переживает радости и неудачи... Мы хотим видеть в драматургических произведениях подлинную жизнь, такую же, как в жизни, «Поднятой целине».

Ю. Либлинский, А. Шеглов, И. Никитин, С. Амаглоблия, Л. Грабарь, А. Толстой и др. затронули и обсудили ряд вопросов творческо-производственного порядка.

Подчеркивая огромное значение конкурса Совнаркома, драматурги и писатели (их, к сожалению, оказалось не очень много) отметили, что литературная организация для проведения конкурса сделала еще очень мало. Все литературные организации же о конкурсе вообще ничего не знают. Ничего не делают и ленинградские театры, организованные выделением в репертуарных планах будущего сезона пьесы. Между тем театральные советы и консульства были бы очень важна для многих молодых драматургов, в особенности для авторов, дебютирующих на конкурсе.

Никакой работы по конкурсу не ведет ленинградская литературная печать. В критическом отделе «Звезда» драматургу Д. Шеглову сообщают, что проблемы драматургии — частные вопросы (?) и печатать по этим вопросам статьи журнал не будет.

По предложению т. Б. П. Познера через некоторое время будет проведено второе совещание драматургов с его участием, посвященное первым итогам работы над конкурсными пьесами.

Б. РЕСТ
Ленинград, 8 июля 1933 г.

„Ценная красота“

НАЧИНАЮЩИЙ ЧИТАТЕЛЬ О МАКСИМЕ ГОРЬКОМ

П. Корин. Портрет Горького НА ВЫСТАВКЕ „ХУДОЖНИКИ РСФСР ЗА 16 ЛЕТ“

В 1932 году ГИХЛ издал книгу М. Горького «Рассказы» (под редакцией И. Груздева); сюда вошли следующие четыре вещи: «Зрители», «Страсти-мордасти», «Как сложился песню» и «Рождение человека». Сборник этот предназначен для библиотек начинающего читателя; естественно, набран он крупным шрифтом; к сожалению, снабжен он плохими рисунками худ. Брей (жалоба читателя).

Перед нами — отрывы адресатов книги — начинающих читателей. Все они единодушно заявляют: рассказы очень интересны, очень понравившиеся. Ученик сельской школы Ляпустин (Купинский район) восторженно пишет издательству: «Я очень был рад, когда пошла ко мне книжка. Благодаря вам за эту книжку». Больше того, рассказы Горького пробудили у него интерес к советской литературе вообще. Он убедительно просит прислать ему и порекомендовать книги различных авторов, выпускаемые ГИХЛ, «потому что... пишет начинающий читатель...» — любитель произведения Максима Горького.

Чем же привлекают к себе рассказы Горького советских детей, юношей, взрослых, стариков? Качествами близкого друга; предельной искренностью, задушевной простотой. Качествами лучшего учителя: умение захватывать вас, без схем и фальши поделиться с учеником знанием жизни, знанием живой истории, помочь ученикам строить будущее, осмыслить прошлое.

Молодой советский человек признается писателю, по-пролетарски и художественно-ясно раскрывающему историю в живых образах. Студент с.-х. техникума им. Либкнехта В. Кудин и Л. Кодишев (ст. Воскресенск) говорят: «М. Горький в своих рассказах отображает жизнь рабочих, так как он сам был рабочим и на своих плечах перенес тяжелую жизнь».

Не ясно ли: искусство Горького заряжает читателя потому, что читатель ощущает глубокую жизненную правду его произведений.

Ученик школы колхозной молодежи М. Петров (Ленинградская область) пишет, что «Рассказы» Горького ему очень понравились, что он «понял в ней, как было до революции жить трудящимся». Вслед за тем т. Петров в противовес тяжелому дореволюционному прошлому, когда подневольные дети, вроде Кости Кларера («Зрители»), подвергались озверелым хозяевам из жизни, когда капитализм осуждал на смерть талантливых детей из народа («Страсти-мордасти»), — вслед за высказыванием о книге Горького, изображающей прошлое, ученик подробно рассказывает о жизни детей СССР. У них иные заботы, иные интересы.

Подробно писать о своей работе, давая отзыв о хорошей книге, — организационная потребность читателя. Приведенное письмо — характерный пример; книги Горького являются величайшим стимулом для строительства социалистической жизни.

Колхозник А. Ковалев (Рыльский район, ЦЧО) говорит: «Книга Горького понравилась своей художественностью, понятным изложением писания».

Любопытно, что некоторых читателей проза Горького побуждает высказываться о ней образно. Например, 42-летний кузнец т. Дермидонтов (Забайкалье, прииск Калар), недавно научившийся читать и писать, говорит, что М. Горький «видит сквозь стуженный мелкий дождик, что делается с мокрым человеком», «наш великий поэт М. Горький рассматривает человека, заблудившегося в своей тесноте жалкой орбите» и т. д. Тов. Дермидонтов, одобряющий «ценную красоту», пишет, что он «обожает книги М. Горького за его человечество и шлет писателю спасибо, спасибо». Читатели пишут в своих отзывах, что книги Горь-

кого возбуждают у них самих желание писать, а некоторые из них тут же в отзыве... начинают говорить стихами...

Пролетарский читатель любит Горького за широту и глубину его произведений, за их социальную художественность, за их социальную остроту. Книга Горького воспитывает в нашем читателе чувства классовой любви и ненависти. Ученик 6-й группы Николай Калосин заявляет: «Книга Горького «Как я учился» меня очень заинтересовала. У меня сразу выступает желание бороться против купцов и капиталистов, которые так эксплуатировали эти бедные массы». Аральское море и Ленинградская область, Забайкалье и ЦЧО, Понояжье и Сибирь, Одесса и Пермь, школа, пионеротряд, колхоз, завод, отрывки разных читателей различных районов СССР, разнообразных участков социалистического строительства. Эти отрывки — единственные, тематически, непосредственные. Все они говорят о том, что книги Горького — могучий источник жизни.

БОР. ГР.

РЕДАКТОР „КРЕСТЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЫ“ О „ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНЕ“

Из выступления т. С. Урицкого на совещании сельхозоров

Ценность любого художественного произведения определяется степенью воздействия на массы; доходит ли оно до масс, активизирует ли их, охватывает ли все многообразие жизненных явлений, расширяет ли кругозор, мобилизует ли массы в великой борьбе за социализм, которую ведет наша страна.

Художественное произведение — это ценнейший обмен опытом. Писатель раскрывает в своем произведении жизнь в ее многообразии, борется, показывая различные люди в ней и тем помогает читателю черпать опыт для себя.

Мне представляется, что «Поднятой целине» — это сильнейшее политическое партийное орудие в борьбе за переустройство деревни.

Вся сложность классовой борьбы, вся ее многогранность, все ее разнообразие, различные ее приемы, все различие людей, характеров, наших отражений в этом романе. Ни одного шаблонного плакатного лица.

Прочтав книгу, многие услышат себе в той классовой борьбе, которая происходит в деревне. Книга — непрерывный призыв к классовой бдительности. Первая книга и обрывается на том, что враг появился снова.

В «Поднятой целине» Шолохов выводит три типа революционных бойцов: Давыдов, Нагульников и Разметнов.

Давыдов — настойчивый, волевой, железный проводник линии партии. При неправильном руководстве райкома партии, требующего стопроцентной коллективизации, он сумел все же выйти из затруднений с наименьшими потерями и крепко руководить колхозом.

Нагульников — боевая фигура во времена гражданской войны, исключительная ценная. Но в обстановке строительства он не сумел найти правильной линии и делает одну ошибку за другой.

Разметнов — красивый партизан, боевой парень, умеет защищать советскую власть. Но как работник Разметнов не выкристаллизовался, и поэтому нет уверенности в том, что он в дальнейшем не сделает ошибок.

Читатель будет учиться у Давыдова искусству бороться за генеральную линию партии. В Нагульновом будет ценить его боевые качества и избегать его левачиных ошибок. К Разметнову он будет осторожен, чувствуя возможность построения у него тех или иных ошибок.

Островнов — исключительная сделанная фигура. Мне думается, что в оценке «Поднятой целины» некоторые товарищи не правы, когда доказывают, что Островнов неудачен и что он якобы обрисован с симпатией. Для такого заявления нет никаких данных. Шолохов не дал пока конца Островнову, он еще только показывает его и показывает, бесспорно, талантливо. Мы, работники крестьянской печати, часто наблюдаем левачи Островновых. Это очень ловкие люди, смелые, когда в толпе их не видать, и трусливые, когда их из толпы вытаскивают. Это опасные противники, умеющие ориентироваться в самой сложной обстановке, умеющие скрывать и длительно укрывать свои действия.

Показывать кулака; не разоблачая всех приемов его борьбы, — значит не вооружать читателя борьбой с кулаком, не помогать ему распознавать кулака.

Шолохов показывает кулака мастерски таким, каков он есть. Одновременно он талантливо показывает, как превостигаются люди.

«Поднятая целина» Шолохова — книга, мобилизующая на борьбу за социализм, помогающая массам колхозников в этой борьбе. И мы знаем факты, когда колхозники, прочитав эту книгу, принимают те или иные конкретные обязательства по укреплению самого колхоза, по изгнанию кулаков и т. д.

Книга Шолохова является большим вкладом в нашу литературу. Шолохов, несомненно, вырастает в первоклассного писателя.

КАГАЛОВИЧ

С. ДИНАМОВ МОСКВА — БОЕВАЯ ТЕМА ТВОРЧЕСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

Одна американская журналистка сделала сенсацию из того, что Теодор Драйзер отказался записать в московском «Гранд-отеле» ибо не понял хитроумного устройства английского зонта.

— Сенсация! — Сенсация!

Пустяк, а не сенсация.

А вот не пустяк, что Драйзер стал «москвичем», что он с жадностью необычайной изучал Москву. Он часами простоял на Каменном мосту (тогда около него еще не было гигантского дома советов). Он часами смотрел на Кремль, вздымающийся над рекой. Драйзер, преодолевшая свои годы, трясся на любимых «дрожках» до окраины и упорно ходил из одной квартиры в другую в рабочем поселке около Абельмановской заставы. Он как медведь вваливался в эти высокие для нас, низкие для него, обитатели города небоскребов, дома и слушал, смотрел, думал. Сколько получаете? Сколько тратите? Где и снова где дальше, вперед и назад, где был красный уголок.

Он повернулся к Москве со всех сторон. Он ехал в дома заключенных — и возмущался расточительностью, ибо она страшнее тюрьмы Америки, а здесь, в Москве, в домах заключенных он видел людей, которым тюрьма была школой, мастерской, выучкой. Он, этот привыкший к комфорту писатель, привился к Москве по железнодорожным путям, чтобы проверить, продумать и сравнить. И там, за сотни и тысячи верст, видел тот же новый мир. И такой сдержанный испуганный здесь, такой смелый на слова, замкнутый, он рассказывал о Москве Нью-Йорку, что же такое Москва, СССР, революция. Он никому и никому не верил — и вернулся поверившим, убежденным.

Вайксфоп писал о Москве: «Дело идет не только о постройке города, не только о выполнении плана, — дело идет о создании нового мира. И ты чувствуешь: вот это, именно это и есть подлинное лицо этого города». (Не могу удержаться, чтобы в этой связи не привести одно место из «Будильника» за 1872 г. Там Московская городская дума говорит: «Все меня беспокоят и спать не

дают... То фонари, то тротуары... Ах, провалять еще со своими тротуарами... Какие там еще новые постройки! Мне не приходится с ним встречаться: он каждый день на заводе, а выходной день завода не совпадает с моим. Поэтому Сайбель написал о своих впечатлениях от одного своего пятого года обучения. Я приведу это письмо одного из рядовых Америки.

«Моя работа на фабрике бесконечно интересна. Нужно бы неделью рассказывать обо всем, что там делается и что я видел. Больше всего меня поражает внутренняя демократия во всем. Откровением для меня было то понимание, с которым массы подходят к успехам плана, усиливающимся каждую неделю. В то время как наши фабричные — это индустриальный шпионизм, советские — развивают собственную индустриальную демократию. Вопреки моим пяти посещениям СССР, эта фабрика есть новый и очень насыщенный мир, изучение которого — это самая интересная задача, которая когда-либо передо мной стояла».

Да, изучение Москвы это действительно самая интересная задача. А между тем...

подражает неистовым вагоным на блокаде. Он изучает Москву, как большое и серьезное дело, он овладевает темой, как ребенок — азбукой. Мне не приходится с ним встречаться: он каждый день на заводе, а выходной день завода не совпадает с моим. Поэтому Сайбель написал о своих впечатлениях от одного своего пятого года обучения. Я приведу это письмо одного из рядовых Америки.

«Моя работа на фабрике бесконечно интересна. Нужно бы неделью рассказывать обо всем, что там делается и что я видел. Больше всего меня поражает внутренняя демократия во всем. Откровением для меня было то понимание, с которым массы подходят к успехам плана, усиливающимся каждую неделю. В то время как наши фабричные — это индустриальный шпионизм, советские — развивают собственную индустриальную демократию. Вопреки моим пяти посещениям СССР, эта фабрика есть новый и очень насыщенный мир, изучение которого — это самая интересная задача, которая когда-либо передо мной стояла».

Да, изучение Москвы это действительно самая интересная задача. А между тем...

вительно трудных тем, от изучения действительности. Довольно «молчали» из бенгальского огня! Довольно шумихи вокруг этих «актуальничков», очень плохо знающих жизнь, которые не могут не жить жизнью московских большевиков, московских пролетариев.

Пролетарии Москвы, московские большевики, проделали огромную работу без помощи писателей. Истина в другом: писатели Москвы не могут прожить без Москвы. Истина в том, что писатели не имеют никакого права не знать жизни социалистической столицы. Истина в том, что тема Москвы дает каждому писателю прекрасный рычаг творческой перестройки, что она поможет каждому художнику раздвинуть со всей силой свое дарование. Участие в жизни и борьбе московского пролетариата и его партии поможет выработке того типа писателя, активного участника социалистического строительства, который только и может создать социалистическую литературу.

Почему нет десятков писателей в секциях Моссовета? Почему нет сотен писателей на предприятиях Москвы? Почему МГСПС не включает писателей в свою огромную работу? Есть такие боевые участники жизни Москвы, которые могут быть замечательной школой воспитания писателя и замечательной школой

для создания высококлассных художественных произведений. В старой литературе было написано о Москве несколько тысяч произведений. А наши писатели не сумели написать хотя бы порядочной книги очерков, не говоря уже о романах.

Уже заканчивая эту статью, я получил номер журнала «Советская архитектура», со статьей Л. Букалова и О. Смолицкого о новых социалистических городах Кузбасса. Это будут города, сделанные по плану, по точному расчету, по точному учету требований жизни и науки. И я, москвич, позавидовав, жителям этих будущих городов. И разве не позавидует харьковцам, у которых ХПЗ, ХТЗ? Разве не позавидует жителю Свердловска, центра колоссального индустриального района? Разве нет у нас в каждом крае, области, республике такого, чему мы, жители одного района и одной республики, можем позавидовать? А Ленинград, о котором также не пишут как следует ленинградские писатели? Нам есть что любить в нашей огромной стране. Нам есть чем гордиться. Нам есть о чем писать. И тема Москвы — это тема Харькова, Киева, Алма-Аты, Казани, Ленинграда, Минска, Тифлиса, Свердловска, Владивостока, Новосибирска, Баку. Тема Москвы — это значит, что писателю нужно так жить, чтобы жизнь его была наполнена днями и трудами его страны, чтобы творчество его не пересыхало, а наполнялось живым содержанием живой жизни. Тема Москвы — это практическое участие писателя в социалистическом строительстве. Тема Москвы — это вопрос о типе писателя. Тема Москвы — это тема боевой перестройки, тема международного звучания, тема мировой революции.

Писатели должны ее поднять. Это дело чести!

«На основе целесообразного размещения производительных сил, освоения естественных богатств, энергетических и сырьевых баз всей страны мы идем к постепенной ликвидации противоречия между городом и деревней, т. е. к развиту современной промышленности, к разрыванию передовой городской социалистической культуры там, где ее раньше не было, где были одичалость и вековая темнота».

КАГАЛОВИЧ

Пролетарская Москва ждет своего художника!

Отобразим новую Москву!

Статья председателя МОСПС И. В. ДРОЖЖИНА

Память — непрочная вещь! Мы уже начинаем забывать, что собой представляла старая, дореволюционная, «златоголовая» катушка Москва белокаменная, с ее городскими...

И хотя она на все лады воспета писателями и поэтами победленного класса, начиная от древних инков-литписцев, мы, несмотря на это, имеем очень мало правдивых рассказов о том, в каких жутких условиях жила и работала московская пролетарият, нынешний хозяин красной столицы.

В самом деле! Чем восторгался писатели и поэты «земли русской», описывая прелесть «первопрестольной»?

Они воспевали «соборов главы золотые» и «палаты и дворцы», «гого-степи», «хлебосольство» и прочие аксессуары помещичье-помещиковского благоденствия!

Есть очень немногие книги, в которых правдиво описана «соборная сторона медали». Как жила рабочая окраина, веками утопавшая в грязи, ираке и водке и бдительно охраняемая полупьяными дерзкими, взятчиками-полицейскими? Что творилось в ночлежках, харчевнях, чайных? Как выглядела переполненная рабочая казарма с ее нарами, на которых валялись измученные, подуголодные люди, влачившие жалкое существование хозяйских рабов? В каких условиях шла подпольная революционная работа нашей большевистской партии, как велась подготовка к взрыву? А героический 1905 год с баррикадами, боями на Красной Пресне? Поражение и новые бурные подъемы стачечного движения в 1912—1913—1914 годах?

От городской думы нам досталось чрезвычайно плохое наследство.

Проводя свою классовую линию, городское самоуправление старой Москвы избегало исключительно о благоустройстве буржуазных кварталов, едва ограничивавшихся нынешним кольцом «А».

Уже одно перечисление тех огромных достижений, которые имеет сегодняшняя наша красная Москва, пролетарская образцовая столица, дает неограниченную пищу для любого художника — будь то художник слова или кисти.

«Революция дала возможность рабочему получить квартиру. Пять миллионов людей переселились из подвалов, кочно-коморочных квартир и каземов в бывшие буржуазные квартиры» (Л. Каганович).

А сколько мы построили новых заводов, абсолютно непохожих на старые, новых домов! Ведь наши рабочие районы по существу являются вполне благоустроенными городами. В новых домах на 75—80 проц. живут рабочие, которые имеют ванны, газ, центральное отопление, электричество.

А универмаги, а диспансеры, а клубы, скверы, парки культуры и отдыха, фабрики-кухни, хлебозаводы, дома-коммуны, детские учреждения!

Нет такой окраины в нашей Москве, которая не была бы связана с центром трамваями, автобусами.

Новая Москва — вполне благоустроенный город, который не имеет ничего общего со старой Москвой.

Однако Московский комитет нашей партии, руководимый т. Кагановичем, считает, что сделано еще далеко не все. Впереди гигантская работа по дальнейшей социалистической реконструкции городского хозяйства красной столицы, которая в ближайшем же году должна стать образцовым городом, примерным для всей нашей страны.

Мы строим метрополитен, мы разрабатываем проект постройки мо-

сковского порта, мы по-большевистски дерзнули на строительство замечательного канала, соединяющего реку Волгу с Москва-рекой.

Достойно перечислений! Сказано достаточно для того, чтобы познать, какой материал для поэта, писателя, живописца дает та огромная работа, которая уже проделана и продолжается сейчас по переломе Москвы и живущего в ней человека.

К сожалению, с этой тематикой у нас неблагополучно. Здесь на литературном фронте — явный провал.

Новая Москва перерождает старую и воспитывает нового человека, меняет его идеологию, привычки, нравы. Сколько тем может почерпнуть в новой Москве писатель.

Возьмите завод им. т. Сталина, покажите его превращение во всеобщий гигант.

Возьмите, наконец, самого человека и его перевоспитание.

«Мы должны показать партийному и беспартийному рабочему его самого в процессе строительства нового, социалистического мира. Мы должны развернуть перед ним широкую картину его разнообразной работы, дабы этим возбудить его революционное классовое самосознание, углубить в нем понимание государственного значения его государственного труда, вызвать в нем разумное, социалистическое, хозяйственное, бережливое отношение к сырью и фабрикату, к станку и машине, показать ему, что эта бережливость ведет к экономии самой ценной энергии — его же трудовой энергии».

Эти слова нашего великого пролетарского писателя А. М. Горького целиком и полностью можно применить при художественном отображении строительства новой пролетарской столицы.

КНИГИ, ПОЭМЫ, ПЬЕСЫ О МОСКВЕ

Что дали писатели о социалистической Москве в художественных произведениях?

МТП только недавно выпустило две книги поэм и стихов о старой и новой Москве Демьяна Бедного и А. Жарова. Вышла книга Н. Нелюбина «Чуртов камень» (о подмосковном бассейне). И только. А ведь МТП, как московское издательство, должно в первую голову заниматься московской тематикой.

Сейчас МТП уделяет несколько больше внимания созданию книг о Москве и Московской области. Сдал в издательство рукопись «Хамовники» Ив. Катаев. Заканчивает книгу о московском метрополитене Д. Крепиков. Над этой же темой работает писатель Персов. А. Архангельский «для сатирическую поэм» «Евгений Онегин в Москве». С. Бройде и М. Левидов собирают материал о строительстве столицы для книги «Первая столица» (Москва в первую пятилетку и в ближайшее десятилетие). Пишет книги о Москве Е. Вихрев — «Ленинградское шоссе», Р. Акульшин — о Трехгорке.

МТП заключило договор с главной редакцией «Истории гражданской войны» о выпуске серии художественных книг «Октябрь в Москве» (в серии войдут все книги писателей о гражданской войне в Москве, написанных для ИГВ); приступлено к выпуску большого альманаха «Москва».

Но это все больше в планах будущего.

Мало книг на московскую тематику выпускают и другие издательства.

ГИХЛ, например, за весь 1932 год дал только 6 небольших книжек о рабочих московских предприятий (серия «Герои пятилетки»). В этом году ГИХЛ заключил договор с Ив. Катаевым на книгу

Т. Драйзер

Другой мир

из книги

«ДРАЙЗЕР СМОТРИТ НА РОССИЮ»

«Вспомните старый Боуэри в Нью-Йорке с его сотнями и тысячами опустившихся на дно людей. А Суэс-стриит и Кларк-стриит в Чикаго — вспомните безнадежное выражение в мутных глазах людей, которые бродят по этим улицам... И тут же Паттово эвено, Минчиган-эвено, Шенклей-драйв, блестящие роскошью, нарядные и величественные, какими только могли их сделать люди с неограниченными денежными средствами!»

Все это в известной степени существует у нас и теперь, но попробуйте сравнить это с Россией — какая разница! Думаю, что до сих пор ни в одной стране города не носили такого характера, как там. Где все богачи? Их нет. А где бедняки с лихорадочно горящими глазами? Их тоже нет. Вы можете пройти по улицам любого города СССР — Москвы, Ленинграда, Перми, Баку, Киева, Новосибирска — и не увидите даже намека на ту разницу между классами и между условиями жизни людей, которая в детстве преследует нас в Америке.

Посмотрите на уличную толпу. Она, пожалуй, и не блестящая, и не очень хорошо одета, и не богата, а многие в ней бедны, но что касается настоящей нищеты — где она? Куда исчезла удручающая нищета, которую вы чуть ли не физически ощущали повсюду по сравнению с выставленной напоказ роскошью титановых и ничтожных богачей?

В России ее не существует. Вы не можете ощущать ни нужды, ни роскоши, потому что ни той, ни другой нет.

И вот, когда думаешь, что у нас на Западе все богатство и материальные средства сосредоточены в руках элитных и изворотливых людей, в руках паразитов, беспособных даже на обыкновенный честный механический труд, то хочешь крикнуть: «Неправильно!». Когда же думаешь о новом коммунистическом порядке, невольно говоришь: «Верно!».

Надо помнить, что если и убавился блеск и показная роскошь, то по крайней мере исчезли из многих миллионов жизней материальная трагедия и острое сознание бесправедности. А это — немало!

Сергей Эйзенштейн

Москва во времени

Москва, как тема, вообще единственная.

«Два Рима пали, а третий стоит, а четвертый не быть» — еще с средневековья является изречением старца Филофея о царской Московии и самодержавной Москве.

Москва — как понятие есть средоточие социалистической будущности всего мира.

И Москва — город, как живой образ пути прихода к социализму. Необъятен весь процесс роста и становления Москвы.

Как кино, необъятен в полноте процесс того, как из раба и смерда москвича вырос до пролетарийского и полновластного хозяина Союза, с коллективным мозгом коммунизма в былой Первопрестольной.

Потому динамику событий на Москве для нашего нового фильма мы не разгоним в календарь истории Москвы и не во всеохватывающей истории рабочего класса и классовой борьбы.

Драматизм движения, динамику ирипетий мы видим вбьющихся сквозью то, что на рубеже окончательного исторического его преодоления неизгладимо очертил тов. Сталин:

«... История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские пана-тасты. Били японские бароны.»

Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную...

Такое уж закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма... В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, у нас есть отечество, и мы будем отстаивать его независимость...

«... Либо смерть, либо догнать и переплюнуть передовые капиталистические страны». (Сталин, «О задачах хозяйственников»).

Замысел наш — фоном воскресить этот широчайший бед сквозью историю государства российско-го, где, может быть, как нигде, возможно сказать словами Маркса об истории пролетариата, что «она вписана в историю человечества неугаемыми знаками крови и огня».

Этот бед истории под пятой двойного порабощения — своими мироедами — кровососами, и рабочей зависимости через них от мирового денежного мешка и капитала.

Вот то, что тематически хотелось бы дать почувствовать сквозью перипетий общего плана картины.

Решение проблем, веками не разрешимых и революционным пятнадцатилетием разрешаемых, динамика нашего пролетариата всегда и образцом для подражания пролетариату всего мира.

И с этого общего фона должен отделиться растущий род в род, три-четыре ступени поколений — бывлой смерд и сегодняшний хозяин «земли русской».

Растущий через века Москвитин — московский рабочий.

Шереметевы. Долгорукие. Нарышкины. Блестяли гербами на фронтонах. На дверцах карет. На мебели, подкладных сундуках и блюдах.

Единорогами. Орлами. Фазыями. Шахматами и племами. Фамильно геральдикой.

«Москва» хотелось бы видеть гербом московского рабочего. Его генеалогией. Его геральдикой.

Нам чудится сценарий глубоко сюжетным. Пронизанный конфликтом и перипетиями одной сквозной классовой борьбы по разным фазам. В единой сюжетной линии.

С героями и злодеями, перерастающими свои индивидуальные биографии в биографию движущих классовых сил. Действий и инициатив, переходящих с дедка к отцу и внуку, к правнуку.

Интрига, раздвинувшая рамки сакраментальных традиций скваных единств шаблона кинематографической ложноклассики.

Раз установленных шаблонов ки-

номаков для киносюжетов. В этих скваных образах хотелось бы практически обрести новую форму «шекспиризации».

Самое обратное оформление фильма мы хотим провести в другой шекспировской традиции: оформив ее по четырем стихиям — воде, земле, огню и воздуху, из сочетания коих слагались гармония и дисгармония вселенной для Шекспира.

Вода древнейшей части. Вода зарождения. И вода водных путей. Москва Москва-реки. Яуз. Озер. Прудов. Неглинки. Рукавов. Каналов. Речек. Свообразная Венеция плывущих в жиже грязи улиц, как мы в морях асфальта.

Как гад, вылазющий на сушу, чтобы в уверенности стать на ноги, так собирательство Москвы и созерцание, перерастающее в царский абсолютизм на следующей стадии оформляется, как твердь, как суша и земля.

Здесь Грозный перебрасывает через годы свой эстафет Петру. Петру, уже плотно стампуем на погнутые выи феодалов, бояр и князей.

Петр, который трудом, военными заводами, военной, вгоняющей трудящихся в ярмо квалифицированной эксплуатации на смену патриархальности старомосковских способов по выжиманию соков. Древняя мудрость учла, что твердь — земля. А под землей, внутри — огонь.

Но под Петром в горах им заведенных фабрик и заводов, пушечных и литейных набиралась другая огонь. Вода и суша подступов к картине — в центральной части нарастают огнем.

Ведущее звено картины идет под знаком пламени. Под знаком зарождения класса, роста и бунта борьбы, чтоб вырасти до революции и огненного пути Октября.

С Петром ведущая роль перемещается на Север. Москва-ведущая на время затихает. Но хлопок протеста порабощенных в ней не перестает. И в ней на Лобном месте казнится Пугачев, продолжитель разнической инициативы.

Пусть их самих мы не увидим в фильме. Конфликт растет и неразрешен с ростом промышленных начинаний.

Пусть еще глух. Но вот как бы незатерянный прообраз последней «отечественной войны четырнадцатого года» пронесится война «отечественная» двенадцатого года.

Огонь восставший готов уже вспыхнуть в связи с победоносным наступлением Наполеона и, разгоревшись в ополчении, разлиться по всей «Руси великой».

В лесных и степных пожарах огонь бьет огнем же. Одну лавину огня — ветренной огненной лавины.

И «пожар Москвы» пылает встречно надвигающемуся пожару оживаемых восстаний. Правящие классы бросают клубок пылающей Москвы под ноги наступающему Бонапарту. Красный жест самоотверженной патристической героини. «Спасение родины от корсиканца» не больше, как ва-банк правящей верхушки, обаятой панжикой и мучеющейся на вулкане.

Столетний перескок — и пылающий костер Москвы меняет форму: огненным кольцом пылает красным петухом вокруг Москвы пожар крестьянских восстаний, прорвавшихся на питом годе.

Москва в кольце огня. Внутри же горит пламя новой силы. Ведущий и обеспечивший возможность полноценной схватки, если еще не окончательной победы.

В центре горит революционный порыв новой классовой силы — московского пролетариата. И драматичный экскурс в лихорадку хаотически растущей капиталистической промышленности — колыбели растущей пролетарской силы класса.

Чтобы снова вернуться в черной дым костров, в авто-ла-фе, сгорающих пожаром баррикад на Красной Пресне.

Мрак черного густого дыма, как тяжкий ирак годов реакции. Эти годы — годы неустойной ковки, спруженной энергии, революционной работы большевизма.

А из отбег догорающей под сапогом жандармов Пресни — к

увеселительным огням и фейерверкам, потешным развлечениям потешной маленькой фигурки, спра-вляющей свой трехсотлетний день рождения Романовых в тринадцатом году.

И линия царя с последней вспышкой уходит под занавес войны четырнадцатого года и февраля семнадцатого.

И класс против класса в свхатке Октября. И в новой фазе те-ма огня, пулеметным огнем по Кремлю вводящая к власти новая класс.

И новым огненным кольцом жезла и крови сдавлена молодая власть, стоящая на месте старой. Сброшен хозяин. Но в объединении с хозяином заморским оп прет интервенции на Красную Москву.

Москва опять становится на место центра. Советы организуют борьбу. И Москва, снова сжатая почти что до пределов Московии Грозного, победно организует отпор лавине нашествия нового Батюя. В стократ страшнейшего, чем иго ханское.

Но фронт за фронтом разбито иго интервентов. Взорвано мертвящее кольцо на воздух.

И с взрывом полной грудью мы вдыхаем воздух — четвертый элемент — воздух новой эры, воздух стройки.

Но прежде чем погрузиться в огонь воздухоудов и объединенной энергии и синтеза всех побежденных стихий, еще раз мрачно запылают костры. Костры незабываемых ночей смерти Ильича. Костры морозных лютых ночей.

Костры, из которых затем выпадает огонь много качества и силы. Опять каятвы вести и дальше дело Ильича.

Стихия энтузиазма ленинского призыва в партию и пламенный обет пролетариата во главе с ленинским ЦК, тов. Сталиным продолжить и завершить дело Лени-

И свершенье.

Историческое разрешение того, что веками в огне и крови не могло разрешиться.

Выход на свежий воздух социалистического свершения.

Москва как центр величайших свершений.

Москва, как бешеная кузница строительства будущего.

Москва, под руководством партийной организации во главе с Л. М. Кагановичем, вырастающая в мировую лабораторию социальной и материальной стройки, ведущая ленинское дело до конца приме-ром для всей республики и для стран всего мира, куда отовсюду будут съезжаться, чтобы учиться.

«Это не фильм. Это — ядро, для которого предыдущее лишь раз-бег».

Изложенное, конечно, еще не сценарий. Это — оержимости темы, еще не принявшая форму. Кое-где она уже закрепляется установкой, кое-где намеком на будущий образ, где-то сюжетной линии, контуром фабулы, но осколок в полете до конца ощу-тит, если еще и не охватить и выразить всю необходимость темы.

Но изложенное — еще кое-что: оно — призыв. Без писателя, а может быть, и группы писателей не охватить до глубины того, к чему мы стремимся.

И пусть это изложение намерений послужит конкретным приглашением нашим писателям, которых увлекает эта тема, и под этим же углом зрения принять участие и непосредственно связаться со мною по сценарной работе.

Пусть «Москва» будет проверкой действительной готовности советской литературы сотрудничать с советским кино.

Жду конкретных предложений и откликов на сотрудничество по сценарию «Москва»!

Уот Кармон

Благодаря Москве!

Я почти ежедневно получаю письма от революционных писателей Америки. Каждый из них говорит о своей глубокой любви к Москве. Будущей весной Джон Дос-Пассос привезет сюда свою новую и быть может наиболее значительную книгу. Майкл Голд до сих пор пишет о впечатлениях, которое произвела на него Москва. Джек Конрай, роман которого «The Disinherited» скоро будет издан, собирается написать центральные главы своего нового романа в Москве.

У меня есть еще около пятидесяти таких писем. Все эти писатели хотят приехать в Москву, потому что они должны сюда приехать. Так же, как и я хотел сюда приехать. Нас тянет к Москве, как сталь к магниту, потому что Москва необходима революционному писателю, как воздух, которым он дышит.

Американцы, приезжающие сюда, говорят, что нужно по крайней мере несколько месяцев, чтобы привыкнуть к Москве. Это правда. Мы приходим из другого мира. Революционный писатель, в первое время своего пребывания чувствует себя, как человек, вышедший из тьмы на яркое солнце. Он ослеплен. Зная это ощущение, я до сих пор крайне удивлен смелостью некоего английского писателя, которого я недавно встретил. Он «едает книгу» о Москве после краткого трехнедельного пребывания. Должен сознаться, что после шести месяцев жизни в Москве мои впечатления только сейчас начинают приходить в какой-то порядок.

Правда, я писал газетные вещи все это время. Писал больше, чем когда-либо в своей жизни за такой период времени. И разве может быть иначе? Москва — с ее никогда не прекращающейся напряженной жизнью проникает в кровь, а потом уже ложится на бумагу.

Итак, я пишу больше, чем когда-либо, и кажется, что никогда не было столько тем. Мои товарищи писатели в Америке знают, что это так, и мечтают о дне, когда смогут приехать.

Я написал также несколько новелл за это время; кроме того — хотя проект уже зреет — я теперь только работаю над планом романа. Роман этот будет об Америке, но стимула для работы дала мне Москва.

Еще раз повторю — я очень много пишу с тех пор, как я в Москве. Я научился также больше уважать писательскую работу. Я значительно углубил свою политическую грамотность.

Я однажды видел, как раздали рабочим ружья. Они перекинули их через плечо и пошли вдоль улицы уверенным шагом, с песнями. Конечно, я читал об этом раньше. Но зрелище это было для меня больше, чем четыре года политшколы.

И за это тоже американец приносит благодарность Москве.

«Город давал деревне при капитализме то, что ее разрабатывало политически, экономически, нравственно, физически и т. п. Город у нас, наоборот, научает давать деревне прямо обратное».

Ленин

